

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Радко Пытлик

МАСКА ШВЕЙКА

Радко Пытлик — чешский писатель, известный советскому читателю по книге «Гашек», изданной в 1977 году в серии ЖЗЛ. Новое произведение этого автора, которое готовится к печати в издательстве «Книга», посвящено истории создания романа «Похождения бравого солдата Швейка». Сегодня редакция публикует с сокращением главу из книги чехословацкого исследователя творчества Ярослава Гашека.

После первых, поначалу самых общих набросков Гашек в нескольких пьесах, написанных для вновь открытого кабаре партии умеренного прогресса, вновь обратился к Швейку. Он даже не предполагал, что приближающиеся исторические события проверят значительность и важность этого образа.

В это время снова выстраивается теснейшее переплетение жизни Гашека с его творчеством. Маска Швейка все чаще проецируется на личную судьбу писателя. Вскоре после начала войны с Россией на постоялом дворе «У Валшея» он подписывается как «русский купец из Москвы», дабы убедиться, «насколько проводится в жизнь распоряжение о подаче сведений на иностранцев». Гашек был осужден и провел под арестом пять дней. Тюремные впечатления в начале войны описаны и в «Похождениях». В начале 1915 года он был призван в армию и определен в 91-й полк, размещавшийся в Чешских Будейовицах. Он пытается отдалить время прибытия в полк и попадает в Виноградскую больницу, но 15 февраля 1915 года все-таки уезжает из Праги. Его поведение в австро-венгерской армии сначала напоминает швейковское, он еще не расстается с богемной маской.

По свидетельству очевидцев, Гашек в первые дни является на плац в старом коричневом пиджаке, в цилиндре, одоленном у какого-то пражского извозчика, в старых высоких башмаках — точь-в-точь как вольноопределяющийся Марек в романе. (Австро-венгерская армия в те времена испытывала недостаток в обмундировании). Пройдя начальный курс обучения, Гашек отправился в одногодичную школу вольноопределяющихся, размещавшуюся в Марианских казармах. Начальником школы был капитан Адамичка, брат начальника пражской кавалерийской охраны и большой патриот Австро-Венгрии. Рассказывают, будто он поручил Гашеку написать какое-то лояльное сочинение, но тот выполнил поручение таким образом, что это было расценено как насмешка над родиной и церковью. Гашек был на тридцать дней отправлен под арест. Гашек, по воспоминаниям очевидцев, часто сказывался нездоровым, с журналом регистрации больных проходил через казарменные ворота и частенько уже в первую половину дня сживался в будейовицких трактирах «У Мичанов», «У чешского Крумлова», в «Чешской хижине», «На английском подворье» и т. д. Еще прежде он снял отдельную квартиру у лани Голубовой, вдовы торговца железом, у своего знакомого, податного чиновника Яна Непроуда, австрийского форму он выменивает на гражданское платье. По некоторым сведениям, за это его отправляют на кухню чистить картошку. Все эти автобиографические моменты войдут в роман «Похождения бравого солдата Швейка».

До сих пор нам не известны причины, отчего он был исключен из школы и лишен знаков отличия вольноопределяющегося. (Из воинского послужного листа, однако, следует, что прав вольноопределяющегося у него никогда не отбирали). С помощью будейовицких знакомых, к числу которых относились зубоной техник Ф. Скришванек, профессор, знаток романских культур, один из переводчиков Рабле, К. Шафарж, редактор Алоиз Гетезл, ему удалось попасть в больницу якобы с обострением ревматизма (еще одна болезнь, приписанная bravому солдату Швейку).

Заручившись покровительством лечащего врача, доктора Петерки, Гашек продержался бы в больнице достаточно долго и мог бы даже надеяться на полное освобождение от военной службы. Однако его беспокойный дух явился причиной неприятного инцидента, что в свою очередь дало толчок к написанию одной из интереснейших глав романа. С помощью своих добрых друзей (музыканта Гани Шрамека, который вместе с учителем Яном Адамеком служил в канцелярии больницы) Гашек выбирался в будейовицкие трактиры и начинал там развлекать публику. После какого-то случая, когда он был задержан патрулем (снова мотив, который найдет свое место в «Похождениях»), его перевели в отделение для выздоравливающих, которое помещалось в бараках Лицецкого предместья. Здесь он близко подружился с неким Вилемом Волком, с которым стал неразлучен. Лишь с помощью целого эскорта удалось вытянуть Гашека из трактира Мичанов, где он распевал царский гимн или вел слишком вольные разговоры. Однажды он попросту исчез. Дня через четыре его привел жандарм, и Гашек рассказал об удивительном своем походе. Вместе с какими-то друзьями он задержался в винном погребе «Под башней». Поскольку возвращаться в казармы было опасно, служивший на железной дороге чиновник Шат взял его с собой и в отдельной купе довез до Противина. Отсюда Гашек, подобно Швейку, начал свой крестный путь в погоне за 91-м маршевым батальоном, стоявшим в Будейовицах. Он двинулся кружным путем, переночевал в овчарне где-то у Нетоли, а потом вышел на имперскую дорогу в Злив. (Может быть, перед отъездом на фронт он хотел попрощаться с краем своих отцов, где как-то в детстве чудесно провел каникулы?) Где-то у Чешского Врбна его задержал жандарм, Гашек подружился с ним (убедив, что он солодовник из Противина и что знает его по пивоваренному заводу), они пошли выпить за новое знакомство в трактир «У русского царя». Там они досидели до утра, после чего полицейский привел правонарушителя в казарму. Гашек был рад, что о его бегстве никому не стало известно. Это происшествие стало фундаментом, на котором возник знаменитый Будейовицкий анабасис.

Гашек вынужден был признать, что долгие скрываться в госпитале нет никакой возможности. Он возвращается в свою роту, которая возле Брука-на-Лейте должна была влиться в запасной маршевый полк. Приходит пора прощаться. 5 мая 1915 года, будучи в веселом расположении духа, Гашек подшивает своему другу Скришванеку книгу «Моя торговля собаками». Из посвящения становится совершенно ясно, что он намерен перейти линию фронта. «Через несколько минут я уезжаю куда-то далеко. Может, вернусь казаким атаманом. А если меня повесит, я пошлю тебе на счастье кусок веревки». Последующее поведение Гашека привело к тому, что в Бруке-на-Лейте, где формировались маршевые батальоны, отправляемые на фронт, он был доставлен в арестантском вагоне (в точности, как позднее это случилось со Швейком). 10 мая 1915 года он, таким образом, оказался в легендарной Киральхиде, где был зачислен в третью роту 12-го маршевого батальона. Небольшой промышленный городишко в Дольних Ракусах произвел мрачное впечатление. Чешские солдаты отсиживались в трактире «У черного барашка», где, по слухам, кельнершей служила какая-то чешка Рушенка (ср. рассказ сапера Водички).

В Бруке он познакомился с множеством лиц, черты которых, более или менее измененные, нашли свое отражение в «Похождениях». Командиром роты был старший лейтенант Рудольф Лукаш, довольно интеллигентный, энергичный офицер, в целом симпатичный Гашеку. Он обожал людей искусства и литераторов и был убежденным патриотом Праги, к национальным проблемам относился довольно холодно (отец у него был чех, мать — немка), во времена Австро-Венгрии он подписывался «Лукас». Его пристрастие к женщине, как оно описано в романе, Гашек, должно быть, сильно преувеличивал. Однако остается правдой тот факт, что именно в Бруке Лукаш влюбился в женщину, которая позднее стала его женой (это была дочь богатого пекаря).

Командиром запасного батальона был старик полковник Шредер; с ним Гашек столкнулся уже с пер-

вых дней учений на плацу в Будейовицах. По мнению окружающих, это был пожилой господин, для которого было удовольствием рассказать собравшемуся воинству о славной победе Австрии под Кустодией. Однако, вразрез с текстом Гашека, Шредер не командовал бригадой.

С капитаном Ченеком Сагнером Гашек познакомился после того, как запасной маршевый батальон был присоединен к полку. Сагнер, возвратившийся из Сербии, был назначен командиром третьего полевого батальона, в состав которого входила и 11-я маршевая рота во главе с поручиком Лукашем. (В романе Гашек по ошибке изменил третью маршевую роту на 11-ю полевою сотню). Сагнер был высокого роста, решительный, крутой в обращении офицер. Он требовал слепого послушания, не любил офицеров-счетоводов и лодырей.

В Бруке Гашек познакомился со многими другими своими героями. Наиболее близко он сошелся со счетоводом-фельдфебелем Яном Ванеком, торговцем москательными товарами из города Краупы. Это был типичный австро-венгерский «симулянт» и «сачок», легко находивший общий язык с себе подобными. (Всю войну он поддерживал связь с домом и посылал жене письменные заказы на товар). Гашека он очень любил и часто привлекал его к работе в канцелярии. Гораздо меньше дружил автор Швейка с кадетами маршевой роты, особенно недолюбливал он Яна Биглера (в романе эта фамилия пишется в варианте Биеглер). Этот молодой австрийский патриот-фанатик, дед которого владел будейовицкой ликерной фабрикой, охарактеризован в романе как «фат и прошельга». (Гашек столкнулся с Биглером уже в школе вольноопределяющихся, в Будейовицах; в Бруке недавний одноклассник стал его новоиспеченным командиром).

Среди солдат маршевого батальона Гашек нашел множество друзей и товарищей. Близкими для него людьми стали актер Крейчи, птицелов Масонуст с Малой Страны, капрал Билек (его имя упоминается в книге «Швейк в плену») и Франтишек, денщик старшего лейтенанта Лукаша, скорее всего он и явился прообразом Швейка. Этот рабочий с Гостивецкого кирпичного завода (под Прагой), которому в ту пору было двадцать пять лет, тонко чувствовал юмор, сам был остер на язык и всегда начинал свои рассказы словами: «Знал я тут одного...» Гашек упоминает о нем в стихотворении, написанном по дороге на фронт: «Страшнее всех военных неурядиц Страшлипкин веселый рассказен» («Бравый солдат Швейк в плену» с. 318). Анализ образа Швейка показывает, однако, что именно здесь более всего давала себя знать литературная традиция и творческая фантазия Гашека. Это соображение относится также и к другим образам романа, таким, как фельдкурт Кац и поручик Дуб, чьи прототипы до сих пор не удалось обнаружить.

Обнаружены и выявлены были прототипы двух фельдкуртов — оберфельдкурата Лацины и курата Ибла. Со священником Лудвиком Лациной Гашек столкнулся на одном из этапов своего мученического пути. Плечистый Лацина, родом из Валашского Мезиржичи, был большим любителем зверья — как живого, так и печеного. Очевидно, это увлечение и сблизило его с Гашеком. Декан Ян Ев. Эйбл (в романе Ибл) служил мессе перед отправкой на фронт в Бруке-на-Лейте. Эйбл очень гордился своим умением проповедника (которое Гашек так удачно разоблачил) и похвалялся тем, что во время его проповеди один из офицеров расплакался. По свидетельству очевидцев, это был полковой лекарь Дуб.

По рассказу Эйбла, Лукаш женился на сестре кадета Биглера. Насколько правдивы воспоминания старого пенсионера-священника, судить трудно.

В Бруке Гашек отказался проходить одногодичный курс военной подготовки для вольноопределяющихся. Он пробовал сослаться на будейовицкую историю с ревматизмом. Часто обращался в медпункт и помогал Ванеку в канцелярии. 25 мая 1915 года был признан комиссией негодным к несению военной службы и определен к нестроевой. В фельетоне «О стратегических затруднениях» он сам свидетельствует о том, как из-за своих бесконечных безрасудств лишил себя возможности освободиться от воинской службы и перейти в запас.

Как сложилась судьба 11-й маршевой роты (точнее, третьей роты), мы узнаем из записей фельдфебеля Ванека. 26 июня рота из Брука по железной дороге отправилась на галицийский фронт. Ко времени отъезда не оказалось капрала Маловца и вольноопределяющегося Гашека. Эшелон проледал через Раб в Будапешт, из Будапешта — на Хатван, Фюзешабони и Мишкольц. Поездом доехали до города Санок в Галиции.

От железнодорожного узла Санок 12-й резервный батальон двигался в пешем строю. Гашек вместе с вольноопределяющимся Билеком стал погонщиком скота. Где-то возле Самбора его ожидала новая должность. Он был назначен квартирмейстером. (Все эти обстоятельства играют роль при развертывании сюжетной линии «Похождения бравого солдата Швейка». В той части пути, где Гашек покидает штаб роты, Швейк тоже оставляет ротную канцелярию. Он послан квартирмейстером в район Фельдштейна и в результате удивительного стечения обстоятельств «случайно» попадает в австрийский плен).

Для должности квартирмейстера у Гашека есть все данные: он прилично говорит по-русски и достаточно хорошо знает Галицию — еще по временам своих странствий.

Поручику Лукашу, который очень любил хорошую кухню и спокойную жизнь, он умел всегда подыскать отличную квартиру, так что вскоре из презируемого начальством «сачка» сделался его любимцем. В Сокале Гашек был назначен начальником реквизиционного патруля (некоторые намеки на это промелькнут и в «Швейке»), 1 августа 1915-го произведен в ефрейторы. Важным рубежом в романе является тот момент, когда маршевый батальон достигает линии фронта, станции Золтатка. Здесь Швейк встречает свою роту, и по целому ряду обстоятельств на том же месте обрывается рукопись. Следующие автобиографические факты и переживания Гашек включает в предшествующие части повествования как бы «дополнительно».

Бои у Сокаля — это своего рода крещение огнем. Ценой страшных потерь полк перешел Буг. Если судить по архивным данным, здесь была потеряна половина личного состава и много офицеров. (Майор Венцл бежал из-под Сокаля вместе с бригадным начальником).

Разбитые и уставшие полки были пополнены и вновь брошены в бой. Относительное спокойствие наступило лишь в районе Ждыар, где полк пробил приблизительно до 28 августа. Командиром полка стал подполковник Венцл, старший лейтенант Лукаш был назначен командиром второго батальона. Гашек остался при нем в должности ординара, или связаного, а Ф. Страшлипка — денщиком. Наконец, настает решающая минута. Во время неожиданного прорыва фронта у Хорупан австрийское воинство в панике бежит. Добрые друзья, старший лейтенант Лукаш и капитан Сагнер, бегут тоже. Гашек, по совету более опытных своих приятелей, остается в окопах, чтобы иметь возможность добровольно сдаться в плен.

Дальнейшие события в романе отразились лишь косвенно.

Из лагеря военнопленных в Дарнице под Киевом пленных перевели в Тоцкое. Здесь Гашек пережил эпидемию тифа, снова ощутив дыхание смерти. Однако даже в самые тяжелые моменты жизни он не теряет чувства юмора. Чувство юмора у Гашека не только способ самовыражения, это прежде всего глубокое понимание жизни. Именно в эти моменты происходит превращение легкомысленного любителя богемы в ответственного деятеля движения сопротивления.